

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

1

Столетие, которому принадлежит Слово о полку Игореве, резко выделяется в русской истории некоторыми своими особенностями. В XII в. становится особенно интенсивным процесс политического дробления феодализирующейся Руси.

Это разделение Русской земли началось еще в первой половине XI в. при Ярославе Мудром, когда обособилась Полоцкая земля, оставшаяся во владении «Рогволовых внуков», но особенно резко оно начинает сказываться в конце XI в., когда обособляется Черниговское княжество, закрепившееся за внуком Ярослава Мудрого — Олегом Святославичем и его потомством. Этого Олега

Святославича автор «Слова» прозвал Олегом Гориславичем, правильно указав в нем одного из тех князей, от которых «сеяшется и растяшеть усobiцами» Русская земля. Около этого времени обособилось и Галицкое княжество, закрепившееся за ростиславичами. Во второй четверти XII в. выделяются Муромо-Рязанское княжество и княжество Смоленское; все большую самостоятельность приобретают Новгород, Владимиро-суздальское княжество и т. д. Все эти областные центры решительно стремятся к политической самостоятельности, уходят из орбиты влияния слабеющего золотого киевского стола, замыкаются в своих эгоистических местных интересах, вступают в борьбу друг с другом и погрязают в бесконечных братоубийственных войнах. Отходят в прошлое времена политического единства Руси. Лучшие русские люди мечтают о восстановлении былого единства Русской земли: «О! стонати Руской земли, помянувша пръвую годину и пръвых князей!»

Междоусобная борьба русских княжеств была трагически осложнена нависшей над Русью половецкой опасностью. «Черные ту-

чи» степных народов медленно и упорно на-
двигались от Черного моря, отрезали Русь
от ее черноморских владений в Тмутаракани,
грозили прервать многовековые русско-гре-
ческие связи. Походы половцев разоряли
мирное население сел и городов.

Быстрая степная конница не знала естест-
венных преград на чрезвычайно растянутых
южных и юго-восточных границах Руси —
открытых, доступных, трудно обороняемых.
Бескрайнее «дикое поле», «страна незнаема»
в приливах и отливах степных кочевников
готова была поглотить многочисленные оча-
ги русской культуры. Волны степных набегов
разбивались о стойкое сопротивление разроз-
ненных княжеств. Часть половцев оседала на
пограничных землях и под именем «ковуев»
и «своих поганых» (т. е. «своих язычников»)
постепенно включалась в мирное влияние
русской культуры. Но раздоры русских кня-
жеств создавали удобные проходы для но-
вых вторжений. Князья призывали половцев
себе в помощь, расшатывая тем самым ве-
ками слагавшееся здание русской независи-
мости.

Так эпохе феодальной раздробленности, естественной в историческом развитии всех народов, был неожиданно придан страшной половецкой опасностью острый трагический характер.

Упадок политического единства Руси не был, однако, временем ее культурного упадка. Самый распад Киевского государства был связан с ростом его отдельных частей, с развитием производительных сил на местах, с образованием новых областных центров, с подъемом активности городских масс населения. Русская культура начала XI в. была по преимуществу культурой Киева; с конца же XI в. она дробится и концентрируется вокруг многочисленных культурных областных гнезд: Новгорода, Чернигова, Полоцка, Смоленска, Владимира Волынского, Галича, Ростова, Суздаля, Владимира Залесского и т. д. Особенности говоров, бытовые различия, местные литературные школы, резко своеобразные черты в зодчестве каждой из областей, в живописи, в прикладном искусстве — развиваются, крепнут и кристаллизуются именно в

этот период. Зодчество Владимира Залесского в XII в. резко отличается от зодчества соседней Рязани, от зодчества Смоленска, Новгорода. Стилистические различия архитектуры всех этих городов настолько велики, что кажется, будто бы былое единство утрачено навсегда; то же происходит в живописи, в литературе, в политическом быту и т. д.

И вместе с тем не только дробление по областям, но и неуклонное движение вперед отличает все стороны русской культуры. Достаточно самого беглого перечисления культурных явлений XII в., чтобы убедиться, что Слово о полку Игореве не было одиноко в своей неувядающей красоте. Слово о полку Игореве имеет своих спутников в различных областях культурной жизни XII в. В архитектуре — это изящная, стройная и нарядная церковь Покрова на Нерли (1165 г.); это — Успенский собор во Владимире (1158 г., перестроен в 1185—1189 гг.), великолепию которого дивились современники и потомки, — русские, греки, немцы и итальянцы; это Дмитриевский собор в том же Владимире (1194 г.) с его

стенами, богато украшенными снаружи рельефными изображениями львов, барсов, грифонов, кентавров, всадников, святых и т. д. В живописи — это фрески Мирожского монастыря в Пскове, фрески Старой Ладоги, фрески Аркажской церкви в Новгороде; это знаменитые, прославленные новгородские фрески церкви Спаса Нередицы. Почти одновременные «Слову» фрески Нередицы были исполнены с исключительным мастерством: русские мастера сумели внести в свои фрески элементы реалистичности — человеческие фигуры в их изображении рельефны, почти весомы, их индивидуальные характеристики даны с поражающей силой, цветовая гамма отличается сочностью, яркостью. Поступательным движением отмечено и прикладное искусство. Развитие художественных ремесел в XII в. представлено превосходными рукописями, ювелирными изделиями (серебро, эмали), изделиями из железа, резьбою по кости, камню, дереву и т. д., и т. п.¹ В источниках встречается до 42 на-

¹ См. об этом: Б. А. Рыбаков. «Ремесло древней Руси». М., 1948.

званий различных ремесленных специальностей этого времени.

Но особенной утонченности в XII в. достигает искусство слова. То немногое, что дошло до нас от письменных произведений XII в. после бесчисленных вражеских вторжений, пожаров и в результате небрежного хранения, свидетельствует не только о существовании тех или иных удачных литературных произведений, — оно свидетельствует об общей высокой литературной культуре XII в., о наличии нескольких литературных школ, о многочисленности жанров, о самой потребности в литературе, о привычке к литературному чтению. Операторские произведения Клиmenta Смолятича и Кирилла Туровского, Киево-печерский патерик, повесть об убиении Андрея Боголюбского, повесть Петра Бориславича о клятвопреступлении Владимира Галицкого, а несколько позже моление Даниила Заточника — каждое из этих произведений резко отлично от другого и по форме и по содержанию. Наиболее оригинальная по обилию местных отличий — летопись ведется почти в каждом городе, в каждом крупном мона-

стыре, нередко при дворе местного князя или даже при обычной церкви. В любом из литературных произведений XII в. мы сталкиваемся с удивительным разнообразием словаря, со сложными литературными традициями, иногда с образами народной поэзии и всегда с устойчивыми местными особенностями стиля и языка.

Эта пестрота школ, стилей, традиций, жанров, — своеобразное отражение феодального дробления в зодчестве, в живописи, в литературе, — была связана с другой характерной чертой XII в.: интенсивным влиянием на культуру верхов русского общества много вековой местной народной культуры. Это влияние началось еще задолго до эпохи создания «Слова», но именно ко времени создания «Слова» оно достигло наибольшей силы. Не подлежит сомнению, что само «Слово», с его органическим соединением народных начал и утонченной книжности, — типическое явление именно XII в.

Основные феодальные усобицы XII в. были связаны с враждою потомства Мономаха и потомства его противника — Олега Святославича — Олега Гориславича Слова о

полку Игореве. И мономаховичи и ольговичи постоянно пользовались половецкою помощью в своих походах на соседние русские княжества, но особенно часто прибегали к помощи половцев именно черниговские ольговичи, искавшие мира и союза с беспокойным населением смежных им степей.¹ И эта половецкая «помощь», как и самостоятельные походы половцев, стали с конца XI в. жестоким народным бедствием. Особенно усиливаются набеги половцев в 70-х годах XII в., когда, по выражению летописца, начинается «рать без перерыва». Натиск половцев разбивается об ответные походы русских, однако после ряда поражений половцы объединяются под властью хана Кончака. Половецкие войска получают великолепную организацию и хорошее вооружение. В их армии появляются и катапульты, и баллисты, и «греческий огонь», и огромные, передвигавшиеся «на

¹ Основы союза с половцами, как традиционной политики ольговичей, выяснены в работе В. В. Мавродина «Очерки по истории левобережной Украины». Л., 1940, стр. 210 и сл.

возу высоком» луки-самострелы, тетиву которых натягивало 50 человек.

Разъединенная раздорами Русь лицом к лицу столкнулась с сильным и, главное, единым войском кочевников. Под влиянием этой половецкой опасности (как впоследствии под влиянием опасности татарской) зреют идеи необходимости единения, находящие себе порой дорогу к реальной политической жизни, несмотря на почти полную утрату единства экономических интересов, поддерживавших когда-то — в XI в. — объединительную политику Киева. Действительно, в 80-х годах XII в. делается попытка примирения ольговичей и мономаховичей. Сами ольговичи рвут со своей традиционной политикой союза со степью, и замечательно, что в истории этого перелома политики ольговичей очень важную роль играет герой Слова о полку Игореве — «ольгович» Игорь Святославич Новгород-Северский.

Вначале Игорь — типичный ольгович. Еще в 1180 г. половцы деятельно помогали Игорю Святославичу. На голову разбитый Рюриком Киевским у Долобска вместе со своими союзниками-половцами, Игорь Свято-

славич вскочил в ладью сам-друг со своим будущим злейшим врагом, а теперешним союзником, ханом Кончаком, и успел уплыть от преследования киевского князя на Городец к Чернигову. Поражение Игоря Святославича и всех ольговичей киевский летописец рассматривает как поражение половцев: «И тако поможеть бог *Руси* и возвратиша во свояси, и приемше от бота на поганыя победу».

Одержав победу над союзными ольговичам половцами во главе с их вождем Игорем Святославичем, Рюрик своеобразно воспользовался ее плодами. Он не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы удержать в своей власти Киев. Он оставил на великокняжении Киевском ольговича — Святослава Всеволодовича, а себе взял остальные города Киевской области. Киев был уступлен Рюриком Святославу на условиях, о которых мы можем лишь догадываться: повидимому, Святослав обязался отказаться от союза с половцами и условился действовать против них в согласии со всеми русскими князьями. Во всяком случае, в ближайшие годы Рюрику и Святославу удается широко

организовать союзные отношения русских князей для отпора усилившемуся најиму степи. Обязательства главы ольговичей Святослава распространились и на Игоря Святославича. Прямодушный и честный Игорь решительно рвет со своей прежней политической; он становится яростным противником своих бывших союзников. Летописец дважды вкладывает в уста Игоря Святославича покаянный счет своих княжеских преступлений, знаменующий необычайно смелый по тому времени отказ от своей предшествующей политики: «Помянух аз грехы своя перед господем богом моим, яко много убийство, кровопролитие створих в земле хрестьянствей, яко же бо аз не пощадех хрестьян, но взях на щит (т. е. приступом) город Глебов у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньни хрестьяни, отлучаеми отец от рожений (т. е. детей) своих, и дщери от материю своих, и подруга от подругы своея, и все смято пленом и скорбью тогда бывшею, живии мертвым завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святеи, сгнем от жизни сея искушение приемши... и та вся сотворив аз, рече Игорь... Вторично каєтся

Игорь, находясь в плену у своего бывшего союзника — хана Кончака.

Игорю Святославичу не сразу пришлось доказать свою преданность новой для него общерусской идее.

В 1184 г. объединенными усилиями русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича половцы были разбиты. Захвачены были военные машины, отбиты пленные, попал в плен сам хан Кобяк и «басурменин», стрелявший «живым огнем». Половцы были устрашены, и опасность, казалось бы, надолго устраниена от Русской земли. Однако Игорь Святославич не смог участвовать в этом победоносном походе: поход начался весной, и гололедица помешала конному войску Игоря Святославича подоспеть во время. Повидимому, Игорь Святославич тяжело переживал эту свою неудачу: ему не удалось участвовать в победе, ему не удалось доказать своей преданности союзу русских князей против половцев. Больше того: его могли подозревать в умышленном дезертирстве, как бывшего союзника Кончака. Вот почему в следующем — 1185 — году Игорь очертя голову,

«не сдержав юности», бросается в поход против половцев. Ободренный успехами предшествующего похода, он ставит себе безумно смелую задачу — с немногими собственными силами «поискать» старую черниговскую Тмутаракань, дойти до берегов Черного моря, более ста лет закрытого для Руси половцами. Высокое чувство воинской чести, раскаяние в своей прежней политике, преданность новой — общерусской, ненависть к своим бывшим союзникам — свидетелям его позора, муки страдающего самолюбия — все это двигало им в походе. В этой сложной подоплеке черты особого трагизма несчастного похода Игоря Святославича, — трагизма, приковавшего к нему внимание и автора «Слова», и летописцев, составивших о нем в разных концах Русской земли свои повести — самые обширные и, может быть, самые живые из всех повестей о степных походах русских князей.

Сохранилось два летописных рассказа о походе Игоря Святославича 1185 г. — один более обширный — в Ипатьевской летописи, другой — более сжатый — в Лаврентьевской. Но и тот и другой не изначальны: в обоих

из них есть некоторые общие части, восходящие к недошедшему до нас летописанию пограничного со степью Переяславля Русского. Вот как на их основании можно себе представить поход Игоря.

23 апреля 1185 г. во вторник Игорь Святославич Новгород-Северский, сын его Владимир Путивльский, князь Святослав Ольгович Рыльский, вместе с присланными от Ярослава Всеволодовича Черниговского дружинами коуев, выступили в далекий степной поход на половцев без сговора с киевским князем Святославом. В походе у берегов Донца 1 мая их застигло солнечное затмение, считавшееся на Руси предзнаменованием несчастья, но Игорь не повернулся коней. У Оскола Игорь два дня поджидал брата Всеволода, шедшего из Курска.

Застигнуть половцев врасплох, как рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские сторожа донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. Сторожа советовали возвратиться. Но Игорь сказал: «оже мы (нам) будет не бившия возвратитися, то сором ны будет пущен смерти».

Первое столкновение русских с половцами произошло у реки Сальницы. Войска Игоря Святославича построились в шесть полков с отборными стрелками впереди. По обычаю того времени, Игорь Святославич сказал князьям краткое слово: «Братья, сего мы искали, а потягнем». Битва была удачной: после перестрелки через реку русские передовые полки погнались за половцами, овладели их вежами и захватили полон.

На следующий день¹ с рассветом неожиданно половецкие полки «ак борове» (подобно лесу) стали наступать на русских. Небольшое русское войско увидело, что оно имеет против себя «всю половецкую землю». И в этом случае отважный Игорь не поворотил полков. Его речь перед битвой напоминает речи Мономаха своею заботой о черных людях: «оже погибнем, утечим сами, а черные люди оставим, то от бога ны будет грех, сих выдавше, поидем. Но или умремь, или живи будемъ на едином месте». Чтобы пробиваться к Донцу, не

¹ Так по Лаврентьевской летописи; по Ипатьевской — через три дня.

опережая и не отставая одним от других, Игорь приказал конным спешиться и драться всем вместе.

Трое суток день и ночь медленно пробивался Игорь к Донцу со своим войском. В бою Игорь был ранен. Отрезанные от воды воины были истомлены жаждою. На рассвете утром в воскресенье черниговские коуи дрогнули. Игорь поскакал к коуям, чтобы остановить их. Он снял шлем, чтобы быть ими узнанным, но не смог их задержать. На обратном пути, в расстоянии полета стрелы от своего полка, он был пленен половцами. Схваченный, он видел, как жестоко бьется его брат Всеялод, и просил смерти у бога, чтобы не видеть его гибели.

Поражение Игоря Святославича имело несчастные последствия для всей Русской земли. Четырех князей разобрали по рукам половецкие ханы. Страх, нагнанный на половцев победным походом Святослава 1184 г., прошел. Половцы ринулись на русские княжества. «Отворились ворота на Русскую землю», по выражению Святослава. Кончак осадил Переяславль Русский, взял Римов; Кза напал на русские города

по Суле, пожег села около Путивля. Скорбь распространилась по всей Русской земле: «и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, — говорит летописец, — но мнозе тогда отрекахутся душь своих жалующе покнязих своих».

В плenу Игорь пользовался относительной свободой и почетом. За него, как за раненого, поручился его бывший союзник Кончак.

Половец Лавр, повидимому крещеный, предложил Игорю бежать. С рыцарской прямотой Игорь отказался пойти «неславным путем», но обстоятельства в конце концов вынудили его к бегству: сын тысяцкого и конюший, находившиеся вместе с Игорем в плenу, сообщили ему, что возвращающиеся от Переяславля половцы намерены перебить всех русских плennых. Время для бегства было выбрано вечернее — при заходе солнца. Игорь послал к Лавру своего конюшего, веля перебраться на ту сторону реки с поводным конем. Половцы, стерегшие Игоря, напились кумыса, играли и веселились, думая, что князь спит. Помолившись, Игорь поднял полу половецкой вежи

и вышел. Он перебрался через реку, сел там на коня и незамеченным проехал через половецкие вежи. Одиннадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, убегая от погони. Приехав в Новгород-Северский, Игорь вскоре пустился в обезд — в Чернигов и в Киев, — ища помощи и поддержки, и всюду был встречен с радостью.

Летопись следит и за дальнейшими действиями Игоря; в 1190 г. он сел на княжение в Чернигове, не раз ходил вновь на половцев, но все это осталось без упоминаний в Слове о полку Игореве. Не упомянуты и другие события русской истории, случившиеся после 1187 г. В частности, «Слово» в числе живых «князей наших» называет умершего в 1187 г. Ярослава Осмомысла. Отсюда ясно, что «Слово» написано не позднее 1187 г., но оно не могло быть написано и ранее 1187 г., так как оно заключается «славой» «молодым» князьям — в том числе и Владимиру Игоревичу, только в 1187 г. вернувшемуся из плена. Таким образом, «Слово» написано в 1187 г.

Единая мысль, единая настроенность пронизывают все «Слово» от начала и до конца. Это — мысль о необходимости единения перед лицом вражеской опасности, это скорбь по поводу жесточайших бедствий русского населения от княжеских крамол и половецких нашествий. И основная идея произведения, и пронизывающее его настроение слиты здесь в единое целое. Призыв к единению слышится в «Слове» не только в непосредственных обращениях его автора к русским князьям или в его осуждениях княжеских крамол; с этим зовом соединено лирическое звучание всего текста Слова о полку Игореве.

Тот же призыв к единению слышится и во всех лучших произведениях второй половины XI—XII вв. Он звучит и в летописях — в киевской, владимирской, переславской, — и в черниговском «Слове о князех», одновременном Слову о полку Игореве, и в некоторых житиях, и в повестях о княжеских преступлениях. Наконец, с идеей единения князей тесно связан популярный

культ русских князей-братьев Бориса и Глеба. Автор «Слова» не только с гениальной художественной силой выразил эту наиболее передовую идею своего времени, — заслуга его в том, что он эту идею понял так глубоко, с такою широтой и прозорливостью, как никто из его современников. Широта воззрений автора Слова о полку Игореве в том, что он сумел подняться над ожесточенной борьбой ольговичей и мономаховичей, с похвалой и сочувствием отзываясь о лучших представителях и тех и других. Прозорливость автора Слова о полку Игореве в том, что он идею единения впервые связал с идеей сильной княжеской власти и тем придал ей реальную весомость, указал конкретный путь к ее осуществлению. Не бессилие русских князей отмечает автор, а их силу и могущество. Великий Всеиволод Суздальский так силен, что мог бы «Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти». Галицкий Ярослав Осмомысл «высоко» сидит «на своем златокованном столе, подпер горы угорьскыи своими железными полкы», заступил пути венгерскому королю, затворил ворота к Дунаю. Несча-

стие русского народа не в том, следовательно, что Русская земля бессильна и князья в ней слабы. Беда ее в том, что никто из русских сильных князей не слышит призыва «загородить полю ворота своими острыми стрелами».

Автор Слова о полку Игореве гордится Русью — звоном славы в Киеве, почетом от греков, немцев и венецианцев. Вместе с Игорем он гордится честью русского оружия. В конце своего произведения он провозглашает славу русским князьям, как и дружина князя, «жадной веселья». В нем можно предугадать одного из тех сторонников сильной централизованной княжеской власти, которые впоследствии, через несколько столетий, являются опорой единого могущественного Русского государства.

Умение подняться до общерусской точки зрения на события русской истории делает несущественным вопрос о том, из какой местности был автор Слова о полку Игореве. Был ли он киевлянин или новгородец, был ли галичанин или он состоял в дружине Игоря Святославича в Новгороде Северском — он был прежде всего русским че-

ловеком, горько печалявшимся о всей Русской земле в целом. Именно эта обще-русская точка зрения лишила ее автора признаков какой бы то ни было местной обособленности. Все попытки точно выяснить — кем был автор «Слова», которые до сих пор были сделаны, не выходят за пределы самых шатких и фантастических гипотез.

Художественная принадлежность «Слова» определяется самим автором по-разному: как «повесть», как «песнь» и как «слово». Ни один из этих терминов не имел в древней Руси точного значения: вот почему автор «Слова» мог назвать свое произведение и тем, и другим, и третьим, не вступая в противоречие с самим собой и с литературной традицией своего времени. Но дело не только в этом. Подобно многим гениальным произведениям, Слово о полку Игореве выходит за пределы жанровых традиций своего времени, как выходят, например, за их пределы «Евгений Онегин», «Мертвые души», «Война и мир». Вот почему бесплодны попытки точно и узко определить

«жанровую природу» «Слова» — то как «былину XII в.», то как произведение светского красноречия, то как воинскую повесть и т. д. Как только мы отвлечемся от тех деталей, к которым стремятся приковать наше внимание исследователи, и взглянем на все произведение в целом, — так скоро убедимся в том, что Слово о полку Игореве не могло исполняться как былина, не могло быть произнесено в торжественной обстановке перед князем как ораторское произведение, не было предназначено для включения в летопись как обычная воинская повесть. Легкость, с которой подыскиваются параллели «Слову» во всех видах книжного и народного творчества, больше всего свидетельствует против того, что оно принадлежит к одному какому-либо жанру.

В «Слове» соединено историческое повествование с героической лирикой. Элементы стилистики воинских повестей, летописные термины объединены в «Слове» с приемами народного эпоса и лирики.

Летописи и воинской повести принадлежит военная терминология «Слова»: «вступить в стремень», «копие преломити», «испи-

ти шеломомъ Дону» (как символ победы), «исполниться ратного духа», обычная мотивировка действий дружины: «ищучи себе чти, а князю славы» и мн. др. В «Слове» ярко выражены отдельные элементы ораторской стилистики: например, обычные у проповедников того времени гиперболы, обращение «братие», риторические повторы и вопросы и прочие приемы витийственного красноречия.

С другой стороны, народная стихия «Слова» выражается в отрицательных метафорах («Немизъ кровави брезъ не бологомъ бяхуть посьяни, посьяни костьми рускихъ сыновъ»), в некоторых чисто фольклорных эпитетах (чистое поле, серые волки, острые мечи, синее море и др.), в отдельных характерных для народной поэзии образах (особенно многочисленных в плаче Ярославны и в сне Святослава), в аллитерациях, в отдельных гиперболах и сравнениях.

Однако автор освежает традиционные книжные и фольклорные мотивы, давая им неожиданное освещение, углубляя и продолжая их в контексте. Так, например, обычную метафору воинских повестей «ле-

тяху стрелы как дождь» автор оживляет новым ее применением: тучи идут с моря — итти дождю стрелами.

Это соединение элементов народного творчества с приемами ученой книжной литературы как нельзя лучше соответствует национальному значению «Слова», его народному содержанию и, во всяком случае, не является случайным стилистическим решением автора. В зacinе «Слова» автор показывает себя сознательным и глубоким стилистом, размышляя о том, какой характер избрать своему повествованию: «начати же ся тъи пъсни по былинамъ сего времени» или «по замышлению Бояню», в некоторых случаях стилизую поэтические приемы последнего.

В науке не раз делались попытки обосновать стихотворную природу Слова о полку Игореве. Уже первые издатели «Слова» называли его «ироической песнью», а последующие исследователи неоднократно пытались разложить его на стихи. «Слово» действительно ритмично, в нем действительно встречаются и следы рифм, и следы аллитераций, и характерные для стихотворных произведений рефрены, ощущается и общая

музыкальность звучания. Самый порядок расположения содержания в большей мере соответствует традициям поэтических, чем прозаических произведений. Однако все попытки вскрыть в «Слове» ту или иную стихотворную систему не привели ни к чему. И здесь, как в определении жанра Слова о полку Игореве, исследователи в конечном счете терпят неудачу, как бы близко они иногда, казалось, ни подходили к разрешению поставленных ими себе вопросов.

Но автор Слова о полку Игореве вовсе не стремился к соединению особенностей разных жанров — книжных и фольклорных, — к тому, чтобы создать произведение, в равной мере чуждое всем литературным формам. Рассматривая Слово о полку Игореве в целом, мы убеждаемся в полном и подавляющем преобладании в нем одного только — лирического начала. Это произведение лирическое по преимуществу. Грандиозная общественная и эпическая тема разрешена в нем средствами лирики. К Русской земле обращена вся полнота личных чувств его автора, весь эмоциональный подъем его. И именно эта лирическая взволнованность

«Слова», а не элементы стихового ритма, не элементы рифм и аллитераций, делает «Слово» произведением поэтическим по преимуществу. Чтобы почувствовать поэтическое своеобразие «Слова», лучше всего обратиться к нему самому, вне всяких сопоставлений и сравнений его с другими произведениями.

Небольшое по объему «Слово» (2875 слов; не многим больше одной четверти печатного листа!) чрезвычайно обширно по своей теме. В зачине к «Слову» автор говорит, что он собирается вести свое повествование «отъ стараго Владимира [Святославича] до нынѣшняго Игоря». Излагая историю несчастного похода на половцев князя Игоря, автор охватывает события русской жизни за полтора столетия и ведет свое повествование, «свивая славы оба полы сего времени» — постоянно обращаясь от современности к истории, сопоставляя прошлые времена с настоящим. Автор вспоминает века Бояновы, годы Ярославовы, походы Олеговы, времена старого Владимира [Святославича]. В своеобразной перекличке, которую устраивает

автор русским князьям, участвуют и его современники и их предшественники.

Широким хронологическим рамкам повести соответствует и широта ее территориального охвата.

Едва ли в мировой литературе есть произведение, в котором были бы одновременно втянуты в действие такие огромные географические пространства. Половецкая степь («страна незнаема»), Дон, Черное и Азовское моря, Волга, Рось и Сула, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тмутарakanь, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и др.; вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования. При этом автор «Слова» не выключает Русскую землю из состава окружающих ее народов, заставляя прислушиваться к происходящим в ней событиям немцев и венецианцев, греков и моравов, а литву, финнов, половцев, ятвягов и деремелу (литовское племя) быть непосредственно втянутыми в ход русской истории.

Подобно Ярославу Галицкому, прозванному Осмомыслом, престол которого господствует над Венгрией и Киевом, откуда он обозревает происходящее, автор «Слова» видит Русь как бы с идеальной высоты. Огромность Русской земли подчеркивается им одновременностью действия в разных ее частях: «дѣвици поютъ на Дунаи, въются голоси чрезъ море до Киева»; «трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путизлѣ»; «коны ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ» и т. д. Одновременно с походом Игорева войска — двигаются к Дону половцы «неготовыми дорогами», скрипят их немазанные телеги.

Таким же, как у него самого, обостренным слухом и зрением, способным прозревать пространство, наделяет автор и своих героев: когда Всеславу в Полоцке позвонят к заутрени рано у святой Софии в колокола, — он в Киеве уже звон слышал, а когда князь Олег вступал в золотое стремя в городе Тмутаракани — тот звон слышал давнишний великий Ярослав, а Владимир [Мономах] всякое утро уши себе закладывал в Чернигове.

Широкое пространство действия объединяется гиперболической быстротой передвижения в нем действующих лиц. Всеслав, по выражению «Слова», хитростями подперся на коне и скокнул ко городу Киеву и доткнулся копием до золотого престола киевского. Отскочил от него лютым зверем. В полночь из Белгорода скрылся в синем облаке, наутро же, поднявшись, оружием отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава... Всеслав князь людей судил, князьям города уряжал, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дoryскивал, до петухов, Тмутаракани; великому Хорсу (солнцу) волком путь перерыскивал. Святослав, словно вихрь, исторгнул поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой.

В обширных пространствах Руси могущество героев «Слова» приобретает гиперболические размеры: Владимира Мономаха нельзя было пригвоздить к горам Киевским; Галицкий Ярослав — подпер горы угорские своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота.

Такою же грандиозностью отличается и пейзаж «Слова», всегда тем не менее конкретный и взятый как бы в движении: перед битвой с половцами кровавые зори свет поведают, черные тучи с моря идут... быть грому великому, итти дождю стрелами с Дону великого... Земля гудит, реки мутно текут, прах над полями несется. После поражения войска Игоря широкая печаль течет по Руси.

Ветер, солнце, грозовые тучи, в которых трепещут синие молнии, утренний туман, дождевые облака, щекот соловьиный по ночам и галochий крик утром, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки — составляют огромный, необычайно широкий фон, на котором развертывается действие «Слова», передают ощущение бескрайних просторов родины.

Широки и «космичны» образы плача Ярославны, противопоставленного автором шуму битвы в идеальной дали — на Дунае. Ярославна в плаче обращается к ветру, веющему под облаками, лелеющему корабли на синем море, к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю Половецкую и

лелеял на себе Святославовы насады до Кобякова стана, к солнцу, которое для всех тепло и прекрасно, а в степи безводной простило жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

В радостях и печалях русского народа принимает участие вся русская природа: понятие родины — Русской земли — объединяет для автора ее историю, «стрины» (т. е. сельские местности), города, реки и всю природу. Солнце тьмою заслоняет путь князю — предупреждает его об опасности; див вопит на вершине дерева, велит послушать земле незнаемой — половецкой степи, морю, Волге, Поморью, Посулью, Корсуни и Тмутараканскому болвану на Керченском полуострове; Донец стелет бегущему из плена Игорю постель на зеленом берегу, одевает его теплым туманом, сторожит гоголями и дикими утками.

Чем шире охватывает автор Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором ожидают реки, вступающие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом звери и птицы; прини-

мают участие в судьбе Русской земли даже стены городов, унывающие при поражении русского войска.

Ощущение пространства и простора, постоянно присутствующее в «Слове», усиливается многочисленными образами соколиной охоты, участием в действии птиц (гуси, гоголи, вороны, галки, соловьи, кукушки, лебеди, кречеты), совершающих большие перелеты («не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бежать къ Дону великому...», вороны несутся к синему морю и т. д.); ветры и отдаленное море — подчеркивают это ощущение.

Наблюдая Русскую землю с такой высоты, с которой он может охватить все ее пространство, автор тем не менее видит и слышит ее во всех деталях. Разнообразная наблюдательность автора «Слова» охватывает подробности походной жизни, степных переходов, приемы защиты и нападения, детали вооружения, поведение птиц и зверей.

Образ родины, полной городов, рек и многочисленных обитателей, как бы противопоставлен образу пустынной половецкой степи — «стране незнаемой», ее яругам

(оврагам), холмам, болотам и «грязивым» местам.

По точному определению акад. А. С. Орлова, герой «Слова» является не какой-нибудь из князей, а вся «Русская земля», добытая и устроенная трудом великим всего *Русского народа*. Храбрые полки Игоря идут «за землю русскую»; это не просто воины, ратники, кмети, а «русичи», дети Руши; углубление их во вражескую степь сопровождается горьким прощанием с родиной: «О Русская земля! уже ты за курганом!» Знаменитый дед Игоря Олег получил от автора «Слова» укоризненное прозвище «Гориславич», вместо отчества своего «Святославич», за то, что в усобицах своих усеял трупами родную землю и нарушил мирный труд ее «ратаев» — пахарей. Княжеские распри и крамолы допустили «поганых со всех стран ходить с победами на землю Русскую». И вот все областные князья призываются к единению и общей защите Русской земли» (акад. А. С. Орлов).

Таким образом, Слово о полку Игореве посвящено всей Русской земле в целом. Образ Русской земли — центральный в

«Слове»; он очерчен автором широкой и свободной рукой. Только начало Повести временных лет с ее общим обзором географического расположения Русской земли может быть сближено со «Словом» в этом широком охвате, но деловитое и последовательное описание Русской земли в «Повести» не имеет поэтической и элегической настроенности «Слова», в нем отсутствует движение и характерное стремление к антитезам, к неожиданным сопоставлениям, к объединению в едином действии крайних пространственных пунктов и к поэтической непоследовательности и прерывистости повествования.

Широкий ландшафт Руси, в описании которого объединились лирика и публицистика, — основной художественный прием автора «Слова». Широта кругозора — идейного и художественного — основа его мироощущения. Трудно представить себе другую художественную манеру, которая с такою живостью позволила бы конкретно изобразить всю необъятную Русь, вызвать к ней сочувствие, возбудить русских людей на ее защиту. «Смысл поэмы, — писал К. Маркс

о «Слове», — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов» (Соч., т. XXII. М.—Л., 1931, стр. 122). И в этом, действительно, глубочайший смысл поэмы: смысл идейный и художественный.

Слово о полку Игореве — произведение удивительно цельное. Содержание и форма слиты в нем в нерасторжимое единство. Единое лирическое настроение охватывает его от начала и до конца. Именно эта цельность, совершенная законченность делает «Слово» произведением единственным и неповторимым.

Слово о полку Игореве — произведение исключительное для своего времени. Исключительна и гениальная прозорливость автора, исключительна и политическая точность его указаний, исключительна и самая художественная форма Слова о полку Игореве, как бы ломающая жанровые рамки и каноны своего времени. Но все то, что мы считаем в «Слове» исключительным для своего времени, органически вырастало из своего времени, не было оторвано от особенностей исторического развития второй половины XII в., а, наоборот, тесно к ней примыка-

ло — как примыкает цветок к почве, к окружающему его свету, воздуху, к окружающим его растениям.

Высокий уровень русской культуры XII в. был тем воздухом и светом, который окружал Слово о полку Игореве. Рядом с ним росли его спутники — прекрасные создания русского зодчества конца XII в. — во Владимире, в Новгороде, в Старой Ладоге, в Пскове и т. д., рядом со «Словом» работали превосходные русские ремесленники, живописцы. Слово о полку Игореве родилось в обстановке повышенного интереса к художественному слову, в обстановке разнообразных местных литературных школ, в обстановке разнообразия литературных жанров. Самое соединение в «Слове» народных, фольклорных начал с началами книжными было типичным для XII в.

Типичными для XII в. были и те события, которые отразились в «Слове», типичным князем XII в. выступает и Игорь Святославич — центральная фигура «Слова». И замечательно, что автор «Слова» сумел понять их типичность для своего времени.

Наконец, самые идеи «Слова» ответили наиболее основным, коренным, насущным потребностям второй половины XII в.

Слово о полку Игореве — произведение исключительное, но исключительность его не есть нечто непонятное для его времени, «Слово» не оторвано от своего времени, — оно насыщено всеми особенностями своей эпохи: вот почему оно так живо, так конкретно, так реально и так волнует нас спустя более чем семь с половиной столетий.

Влияние «Слова» было заметным во всем последующем развитии русской литературы. Следы знакомства со «Словом» К. Калайдович нашел в псковском «Апостоле» 1307 г. Московской Синодальной библиотеки, где на последнем листе рукописи была обнаружена им следующая приписка-цитата: «при сих князех сеяшется и растяще усобицами, гыняше жизнь наша в князех, которы и веци скоротишася человеком» (ср. в «Слове»: «Тогда при Олзѣ Гориславличи съяшется и растяшеть усобицами, погибашеть

жизнь Даждьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратиша»). В начале XV в. в Москве «Слово» послужило литературным образцом для создания «Задонщины».¹ Через «Задонщину», а может быть и непосредственно, «Слово» оказало влияние на «Сказание о Мамаевом побоище». Влияние «Слова» может быть отмечено и в Новгороде, где в первой половине XV в. оно дало себя знать в младшем изводе Новгородской первой летописи. В списках этого извода под 1232 г. к имени героя новгородско-псковской смуты Вячеслава летописец добавил ироническое отчество «Гориславич» — по образцу иронического отчества Олега Святославича в «Словѣ».² В XVI в. «Слово» переписывалось в Пскове или в Новгороде (сгоревшая в

¹ См.: В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». — Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, № 2, т. VI, 1947.

² См.: Д. С. Лихачев. «О летописи, находившейся в одном сборнике со Словом о полку Игореве». — Труды Отдела древней русской литературы, т. V, Л., 1947.

пожаре 1812 г. рукопись «Слова» была именно этого происхождения). Созданное на юго-восточной окраине Руси, «Слово» «не затерялось, по выражению акад. А. С. Орлова, на границе дикого поля; оно обошло весь горизонт русской территории, не раз пересекло его окружность».¹

Рукопись «Слова» была найдена в 1795 г. известным любителем и собирателем русских древностей гр. А. И. Мусиным-Пушкиным в сборнике XVI в. светского содержания, приобретенном им через комиссионера в числе других рукописей в Спасо-Ярославском монастыре. Первое сообщение о «Слове» было сделано Херасковым в 1797 г. в примечании к 16 песне второго издания его поэмы «Владимир». Затем о «Слове» же сообщил Карамзин в октябрьской книжке за 1797 г. журнала «Spectateur du Nord», издававшегося французскими эмигрантами в Гамбурге. С рукописи «Слова» сняты были копии: одна из них для

¹ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». Л., 1946, стр. 6.

Екатерины II.¹ В 1800 г. «Слово» было издано Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве со своими учеными друзьями: А. Ф. Малиновским, Н. Н. Бантыш-Каменским и Н. М. Карамзиным. В 1812 г. сборник, включавший в своем составе Слово о полку Игореве, сгорел в московском пожаре вместе с домом Мусина-Пушкина на Разгуляе. В доме Мусина-Пушкина сгорела не только рукопись «Слова» — сгорели и другие рукописи первостепенного значения, как, например, знаменитая пергаменная Троицкая летопись самого начала XV в., которой широко пользовался Карамзин в своей «Истории Государства российского». Сгорела и большая часть экземпляров первого издания «Слова».

Сличение екатерининской копии и издания 1800 г. наглядно показывает, как много не понимали первоначально в «Слове» из-за естественной для конца XVIII в.

¹ Екатерининская копия была напечатана в 1864 г. П. П. Пекарским в приложении к 5 тому «Записок Академии Наук», а в 1890 г. более бережно П. К. Симони в XIII т. «Древностей» Московского Археологического общества.

неосведомленности в истории русского языка или отсутствия палеографических знаний. То, что сейчас кажется нам простым и ясным в «Слове», не было «узнано» его первыми издателями, нагромоздившими на и без того испорченный переписчиками текст «Слова» свои собственные ошибки прочтения. Но эти же самые ошибки издателей свидетельствуют, вместе с тем, и об их добросовестности как археографов: неумелье, но безусловно добросовестные издатели предпочитали оставлять текст «темным» произвольному его «просветлению». Явное непонимание текста «Слова» заметно во многих местах первого издания, где неправильно разделены или слиты слова текста (в подлиннике, по свидетельству А. И. Мусина-Пушкина, слова были писаны в сплошную строку). Так, например, в первом издании «Слова» напечатано раздельно «къ мети», «по скочи», «затвори въ Дунаю», «сице и рати», «мужа имъ ся», «по морию, по сулию» вместо «къмети», «поскочи», «затворивъ Дунаю», «сицей рати», «мужаимъся», «Поморию, Посулию». Непонятные им слова первые издатели «Слова» писали иногда с

прописных букв, предполагая в них собственные имена. Так получились «село в Переяславской области» — «Шеломянем» (стр. 10 первого издания), «Кощей» — якобы собственное имя половца (стр. 22), «Урим» (вм. «у Рим») — якобы один из воевод или соратников Игоря (стр. 27), «Чага», отождествленная с Кончаком (стр. 28) и др. Наконец, первые издатели «Слова» оставили вовсе без перевода такое ясное для нас место, как: «великому Хръсови вльком путь прерыскаше» (стр. 36).

Следует, однако, сказать, что не только в деталях, но и в самом общем его содержании «Слово» не было понято ни его издателями, ни их современниками. Литературная среда конца XVIII — начала XIX в. искала в «Слове» по преимуществу соответствий своим собственным предромантическим вкусам. В «Слове» искали оссианизм, искали сведений о древних народных «бардах» и т. п. Вместе с тем, нравственно-патриотическое содержание «Слова» оставалось совершенно нераскрытым. «Словом» гордились как произведением, свидетельствующим о существовании своеобразной поэтиче-

ской культуры на Руси в XII в. Восторженное отношение вызывало упоминание в «Слове» Бояна, в котором современники видели прежде всего певца типа шотландских бардов; привлекали внимание отзвуки язычества в «Слове» и приметы существования на Руси собственного Олимпа богов. Однако патриотические призывы автора «Слова», его теплое чувство родины не находили еще отзвуков, не находили понимания и все типично русские особенности формы «Слова» — ее соответствие народной поэзии, летописи, произведениям древней русской литературы.

Таким образом, в конце XVIII — в начале XIX в. ни русская филологическая наука, ни русская историческая наука, имевшая самые смутные представления о XII в., ни самые литературные вкусы русского общества не были подготовлены для понимания текста, формы и содержания «Слова». Меньше всего могли понять «Слово» его ближайшие издатели Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский — скрупулезные, педантично-честные и аккуратные архивисты.

В дальнейшем «Слово» оказалось вставленным в широкую историческую перспекти-

ву; объяснились многие явления языка «Слова», казавшиеся непонятными в конце XVIII — начале XIX в.; параллели к образам и фразеологии «Слова» были обнаружены в народной поэзии и во многих книжных произведениях, остававшихся ранее неизвестными.

«Слово» изучалось литературоведами, поэтами, лингвистами и историками. «Словом» занимался Пушкин, оставивший нам черновики своей подготовительной работы к его переводу. «Слово» переводили В. Жуковский, А. Майков, Л. Мей и многие другие русские поэты.

Не было ни одного крупного русского ученого филолога, который не писал бы о «Слове». Всего в исследовательской литературе насчитывается более 700 работ о «Слове». Оно было переведено на большинство западноевропейских языков (французский, английский, немецкий, голландский, датский, венгерский) и на все славянские (сербский, чешский, болгарский, словенский, польский). Дорогие, великолепно исполненные и тщательно комментированные издания «Слова», вышедшие в славян-

ских странах, свидетельствуют о напряженном интересе к Слову о полку Игореве у братских нам народов.

Многочисленные переводы «Слова» на языки народов СССР, издания и исследования «Слова», сделанные после Великой Октябрьской революции, говорят о широкой любви всего советского народа к этому замечательному патриотическому произведению русской литературы.